

Социологическое наследие

Николай Иванович Кареев (1850—1931) — один из наиболее крупных русских ученых

конца XIX — начала XX века. Историк, философ, социолог, педагог и общественный деятель. Автор замечательных мемуаров, лишь недавно ставших достоянием читателей («Прожитое и пережитое». Л., 1990). Уникальна и сама личность Н.И. Кареева: он родился еще при крепостном праве, в детстве дружил с В.С. Соловьевым, пережил трех царей и одного «вождя», видел войны и революции и умер, прочитав статью Сталина «Головокружение от успехов».

«Сочинение г-на Кареева превосходно...» — отозвался от нем К. Маркс в одном из своих писем (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 286). Этот отзыв долгое время служил Карееву своего рода талисманом, защищающим его от «нападений» советской власти. Лишь в самом конце жизни ему устроили «разнос» и стали как будто бы уже добираться, но он — в ожидании «нового нападения» — 18 февраля 1931 г. скончался.

Библиография трудов Н.И. Кареева впечатляет. Но еще больше впечатляет его архив, часть которого хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Архив содержит материалы весьма обширной переписки ученого, рукописи его книг и статей и, что особенно важно, рукописи и машинописи уже готовых

сочинений, так и не вышедших в свет при его жизни. Одна из таких работ — «Основы русской социологии», первая глава которой предлагается вниманию читателей.

Машинопись (второй экземпляр) хранится в ОР РГБ (ф. 119. К. 38. Ед. хр. 11; публику-

емая глава занимает листы 1—16); она не правлена автором, поэтому встречаются курьезные опечатки (преимущественно в научных терминах), исправленные при подготовке к настоящему изданию и специально не оговариваемые. Библиографические сноски в большинстве случаев сделаны, по-видимому, по памяти, и поэтому в них отсутствует указание места издания и конкретных страниц. Несмотря на эти недостатки, неизданный труд Н.И. Кареева сохраняет свое значение и как памятник научной мысли, и как одна из первых попыток осмыслить процесс становления и ранней истории русской социологии.

Пятая глава этой работы Н.И. Кареева (озаглавленная «Отношение историков к социологии») опубликована — по тому же архивному источнику — в альманахе «Рубеж»

(1992. № 3. С. 4—36). Там же опубликован перевод одной из глав книги американского проф. Дж.Ф. Гекера, посвященной «вкладу Н. Кареева в социологию» (с. 37—52).

© 1995 г.

Н.И. КАРЕЕВ

ОСНОВЫ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

I. Введение. Перед возникновением социологии в России

(Первое знакомство с Огюстом Контом в России. Начало его изучения. Русская позитивистская журналистика и новые социологические проблемы. Начало этико-социологического направления. Периоды истории русской социологии.)

Социологическая литература зародилась в России в начале последней трети прошлого столетия, на памяти автора настоящей книги, который сам принимал в ней участие чуть ли не с первых лет ее существования.

Только в конце шестидесятых годов прошлого века стала у нас распространяться идея о необходимости новой науки, которая должна изучать общественные явления с целью открытия естественных законов этих явлений, по образцу наук, изучающих природу, и вошло в употребление и новое имя этой науки — «социология», данное ей ее инициатором Огюстом Контом, основоположником позитивной философии. Хотя его «Курс положительной философии» вышел в свет еще в тридцатых—сороковых годах века (1830—1842), сколько-нибудь внимательное отношение к нему в самой Франции началось тоже только в шестидесятых годах, когда Литтре издал свою книгу «Огюст Конт и положительная философия» (1863) и вскоре после этого вместе с Вырубовым основал свой журнал «Philosophie Positive» (1867), издав вслед за тем отдельно две первые главы «Курса». В эти же годы вышло в свет и второе издание этого главного труда Конта. Таким образом, в самой Франции, где контовская идея была, можно сказать, совсем забыта в течение целой четверти века после выхода в свет последнего тома «Курса», еще не существовало социологической литературы в годы, когда она стала возникать у нас. Более внимательно отнеслись к Конту и его идее социологии в Англии, где он оказал влияние на Милля, на Льюиса¹, на Бокля и на Спенсера, none нужно забывать того, что последний, заимствовав у Конта идею и имя социологии, начал вплотную осуществлять эту идею только во второй половине семидесятых годов, когда вышла его книжка «О изучении социологии» (1876) и первый том «Оснований социологии» (1877). Если принять в расчет, что в Германии Контом несколько больше заинтересовались много позже, а в Северной Америке, где Уорд положил начало социологической литературе, только в восьмидесятых годах, то можно будет сказать, что русская литература была одна из первых, где мысль о социологии пустила прочные корни.

До шестидесятых годов прошлого века знакомство с позитивизмом Конта и его социологией было у нас весьма незначительным и весьма поверхностным. В кружке Белинского философия Конта была известна по статьям о ней в «Revue de Deux mondes» и вне этого кружка только Валериан Майков, брат Аполлона, поэта, и Леонида, ученого и литературоведа, еще молодым умерший писатель (1823—1847) в своей, оставшейся неоконченной, работе «Общественные науки в России» (помещенной в «Финском вестнике» 1845 года) обнаружил знакомство с «Курсом положительной философии» в подлиннике и отразил на себе влияние его основных идей. Если бы не ранняя смерть талантливого обществоведа, он впоследствии мог бы сделаться значительным социологом в России. Он рекомендовал возглавить морально-политические науки «философией общества» в противовес тому, что он называл «антропологическим» направлением, заботящимся только о благосостоянии отдельной личности, имея в виду политическую экономию Адама Смита с ее индивидуалистическим устремлением, которую он основательно занимался раньше. Вообще английское направление обществоведения экономического уклона его не удовлетворяло, как не удовлетворяло и немецкое, представлявшее собою другую крайность в сторону отрешенности от жизни, отвлеченности, погруженности мысли в самосозерцании. «Бездушному анализу» англичан и «бесповоротному анализу» немцев он противопоставлял «органический характер» французской мысли, совершенно в духе Конта придавая «философии общества» значение доминирующей в области мысли и жизни науки. С своей умственно-общественной точки зрения он критиковал немецкую метафизику и английскую экономическую науку, внося в свою «философию общества» элементы позитивизма и социализма, и в своем отрицательном отношении к национализму в период господства формулы «православие, самодержавие и народность» заходил так далеко, что даже Белинский нашел его позицию чересчур «всечеловеческой». К сожалению, на почве литературной критики между Белинским и Майковым про-

---

¹ Их работы о Конте были изданы в русск[ом] переводе в 1867 г. (Г.Г. Льюис и Д.С. Милль. Ог. Конт и положительная философия).

изошли трения, прекратившиеся только перед самою смертью второго, даже сделавшегося сотрудником «Современника». Появление названной выше работы Майкова в захудалом «Финском вестнике» привело к тому, что на нее не обратили внимания, а затем вскоре и совсем был забыт на несколько десятилетий. Да и вспомнили-то его прежде всего как литературного критика, выступившего как соперник Белинского и как эстетический теоретик².

Распространению у нас идей Конта мешали и запретность его труда, и то, что в самой Франции Конт был основательно подзабыт, и то, что сам он после «Курса положительной философии» написал совсем ненаучную «Систему положительной политики», которая бросила подозрительную тень на весь позитивизм. Запрет «Курса» был так определен, что даже в более близкое к нам время было трудно его достать. Даже на Западе, как мы видели, [о нем] вспомнили только в середине шестидесятых годов прошлого века, к какому времени только и относится второе издание «Курса». Вот почему нет ничего странного в том, что основатель социологии как науки с совершенно новым предметом, задачей и методом оставался чужд и Чернышевскому, который, как никто в его время, не был всем направлением своей мысли, своими умственными и общественными интересами, своими познаниями в областях философии, политической экономии и истории подготовлен к тому, чтобы сделаться у нас зачинателем новой науки. Как материалист по своим философским воззрениям Чернышевский мог быть особенно предрасположен к тому, чтобы усвоить идею об общей теории общества без всякой мистической, метафизической и романтической примеси. Из всех общественных наук он ближе всего был знаком с политической экономией, которая гораздо более, чем всякие политические и юридические науки, была свободна от метафизики, и в то же время особенно помогала понимать реальные общественные отношения, освещавшиеся в его глазах, вдобавок с усвоенной им социалистической точки зрения. У Чернышевского были и большие исторические знания, почерпавшиеся им не только из книг, но и из наблюдений над текущею политическою жизнью, которые он излагал в своих журнальных статьях и обозрениях. Сочинения Чернышевского заключают в себе громадный материал суждения о том, что и как он думал по тому или другому из тех вопросов, которые вскоре после его насильственного изъятия из жизни начали ставиться и решаться в русской литературе, но весь этот материал рассеян, разбросан по разным местам, отдельные составные его части возникали по разным, случайным для их взаимных отношений поводам, и все это никогда им самим не сводилось в систему, в некоторое целое, которое могло бы рассматриваться им самим как научное единство. Конечно, современный исследователь может систематизировать этот обширный материал и изобразить, какова была социология Чернышевского, если бы он сам задался бы таким заданием, да это и происходит до известной степени на самом деле³, но от этого может получиться не подлинная социология Чернышевского, а, так сказать, ее реставрация, как можно было бы, например, рассматривать историологию Фукидида или Тита Ливия. Вот почему автор настоящей книги воздержался от бывшей вначале для него очень заманчивой задачи воспроизвести социологию Чернышевского,

---

² О Майкове в нашей литературе обстоятельно впервые заговорил А.М. Скабичевский («Отеч. зап.» за 1872 г.), потом по поводу издания «Критических опытов» Майкова в 1891—1892 гг. К.К. Арсеньев («Вести. Европы», 1892), М.А. Протопопов («Рус. мысль», 1891) и др. В нашем столетии см. ст. Г.В. Плеханова в «Соврем. мире» за 1911.

³ Социологические взгляды свои Чернышевский сам и не формулировал, как таковые, и не систематизировал, а отдельные его заявления давали поводы причислять его к противоположным направлениям. В то время, напр., как для одних Чернышевский — предшественник экономического материализма, для других он был (в) социологии психологист. М. Антонов в своей книге о нем прямо говорит: «По своим социалистическим взглядам Чернышевский, подобно Михайловскому и Лаврову, принадлежал к психологическому направлению в социологии». Этот психологизм Чернышевский, однако, сочетал с материалистическим пониманием самой психологии.

которая, конечно, не могла бы не быть в достаточной мере результатом работы автора, а не исследуемого писателя. Как, положим, можно было бы говорить о понимании самим Чернышевским вопроса о существовании социологии, ее предмета, задаче, методе, об отношении ее и к разным другим общественным наукам, между прочим, к истории, а также к философии, к психологии, к этике, о внутреннем расчленении ее, об исторических ее предшественниках, когда у данного мыслителя не было в уме и самой-то идеи о такой науке. Чернышевского можно назвать самым крупным социологом в России до возникновения в ней социологии, но с оговоркою, что он был социологом, сам того не зная⁴. Вот соображения, на основании которых Чернышевский остается без рассмотрения в этой книге, вопреки тому, что Геккер⁵, американский автор о русской социологии, отводит ему место в своем обзоре⁵.

Более посчастливилось Конту у Писарева, который, конечно, неизмеримо меньше мог бы сделаться социологом, судя по характеру его ума и таланта и по предпосылкам его литературной деятельности. Писарева, как известно, увлекала идея, положенная в основу контовской классификации наук, и он построил на ней образцовую программу гимназического и университетского образования, начиная ее математикой и кончая историей, да, именно историей, когда у самого автора классификации завершением научного знания являлась социология. Характерно и то, что в самом заголовке статьи, которую Писарев знакомил русских читателей с последними томами «Курса положительной философии», стояло «Исторические идеи Огюста Конта».

«Россия, — писал Писарев, — до сих пор не имеет о Конте никакого понятия», но, давая сам о нем понятие своей большой статьей, в общем обозрении содержания «Курса положительной философии», не назвал социологию ее настоящим именем, употребив выражение «общественная физика», которое употреблял и далее, говоря о догматической и о исторической частях этой общественной физики (т.е. социальной статике и динамике Конта). Мало того, он нашел нужным в статье о Конте «не сказать ни одного слова ни о положительном методе вообще, ни о классификации наук и разделении их на абстрактные и конкретные, ни о взгляде Конта на психологию и на политическую экономию и так далее», потому что, объяснял он, «какой интерес могут иметь для наших читателей философские рассуждения о методе и о классификации наук, о которых эти читатели имеют самые смутные понятия». Это писалось всего за два-три года перед тем, как, уже после смерти Писарева, у нас

---

⁴ О социально-философских и политико-экономических воззрениях Чернышевского имеются следующие книги:

Г.В. Плеханов, Н.Г. Чернышевский. Исторические взгляды Чернышевского.

Ю. Стеклов. Н.Г. Чернышевский (1909) Т. I. Гл. 6. Философия и история. Чернышевский).

М. Антонов. Н.Г. Чернышевский. 1910. Гл. III. Социологические взгляды. Гл. VII. Стихийные тенденции исторического процесса.

Н.А. Котляревский. Очерки из общественных настроений шестидесятых годов («Вестн. Европы», 1913, VI), где говорится о взгляде Чернышевского на соотношение общественных сил, двигающих прогресс, и ряд статей, из которых одни ограничиваются только его экономическими воззрениями (ст. *Посникова*, *Корнилова*, *Туган-Барановского* и др.), а другие рассматривают и его политические и социологические взгляды. Из последних отметим: В.К. Позитивизм в русской литературе («Рус. Бог.», 1889). Статьи *Деборина*, *Фридланда* и др. в «Летописях марксизма» (VII и VIII). А. Ламакин. Чернышевский и Ленин. Груды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. I. В. Ильинский. К вопросу о философских и социологических воззрениях Н.Г. Чернышевского («Вестн. Комму. Акад.», 1927, № 20).

А. Нифонтов. К вопросу об исторических взглядах Чернышевского (1928).

Я. Розанов. Философско-социологические взгляды Чернышевского (там же).

М. Покровский. Чернышевский как историк. (1928, VII).

Несколько замечаний о социологических взглядах Чернышевского имеются в кн. Южакова «Социологические взгляды Михайловского» (в сб. «На славном посту»).

⁵ Julius F. Hecker. Russia Sociology. A contribution to the history of sociological thought and theory. New York. 1915. См. МОЮ о ней статью в «Рус. записках» за 1916 г.

возгорелся журнальный спор об объективном и субъективном методах. Писарев ограничился изложением, комментированием и, местами, критикой пятого и шестого томов «Курса», как историко-философского труда, да и то не доведши это изложение до конца, остановившись перед XVIII веком⁶. Таким образом Писарев не остановил сам внимания и не обратил внимания читателей на то, что было наиболее существенным в замысле Конта и на что, наоборот, с особым сочувствием указали Литтре и Милль, которых он даже за это упрекнул, прибавив, что сам он, знакомя русских читателей с Контом, «считает полезным поступать как раз наоборот». Писарев полагал даже, что благодаря этому Россия может «узнать и оценить Конта гораздо точнее, чем Западная Европа»⁷.

Не писаревская статья о Конте, прочитанная пишущим эти строки в гимназические еще годы, возбудила в нем интерес к социологии, а чтение уже во времена студенчества статей Лаврова и Лесевича, относящихся к переходу от шестидесятых к семидесятым годам. Из них первый и сделался у нас основоположником социологии, тогда как второй занимался исключительно философской стороной позитивизма в своем «Опыте критического исследования основ начал позитивной философии» (1877).

Таким образом позитивизм и социология вошли в русский умственный обиход только в исходе шестидесятых годов XIX века, и о них у нас стали появляться отдельные работы⁸, из которых лишь три-четыре были посвящены специально социологии Конта. Это, во-первых, две книги польского писателя Северина-Смоликовского, изданные в Варшаве и оставшиеся неизвестными в русской журналистике («Учение О. Конта об обществе», 1881 и «Изложение основных начал позитивной философии и социологии Конта», 1886). Второй работой является статья В.И. Герье далеко не бывшего позитивистом, но относящегося объективно к своему предмету. Статья эта называется «Ог. Конт и его значение в исторической науке» (в «Вопросах философии и психологии» за 1898). Наконец, А.С. Лаппо-Данилевский написал очень ученую и основательную работу, детально рассматривающую происхождение отдельных социологических идей Конта. Автор этой работы («Основные принципы социологической доктрины О. Конта»), появившейся в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), в начале своей научной деятельности стоял на почве англо-французского позитивизма, перешедши потом на сторону немецкой философии в ее неокантианском направлении, в котором вырабатывалась совсем иная, чем у Конта, классификация наук, замена противоположения социологии и истории противоположением генерализирующего и индивидуализирующего типов истории⁹. Этот этюд имеет большое значение для истории вообще генезиса социологии как отвлеченной науки об обществе.

Все предыдущее должно служить оправданием того, что историческое изложение русской социологии начинается не с более раннего времени, как вторая половина шестидесятых годов. Нужно даже отметить, что русская социологическая литература

---

⁶ Писарев продолжил его в статье «Популяризаторы отрицательных доктрин», но уже не по Конту.

⁷ Отмечаю мимоходом новейшую попытку представить мирозерцание Писарева как своего рода предварение у нас марксистского мирозерцания в кн. В. Переверзина «Нигилизм Писарева в социалистическом освещении» («Красн. Новь», 1926. июнь). Правильнее судит В. Кирпотин (Радикальный разночинец Д.Н. Писарев, 1929), указывающий на то, что Писарев в истории был идеалистом и даже находящий у него «корни субъективного метода» в социологии.

⁸ Назову книги и статьи Э.К. Ватсона (в его «Этюдах и очерках», 1892), М.И. Каринского («Правосл. Обзор», 1875), И. Полетики (1873), Б.Н. Чичерина (1892), архиеп. Никандра (1875—88), А.А. Козлова («Вопр. филос. и псих.», 1892), Л. Оболенского (в «Образовании», 1902).

⁹ Это особенно сказалась в его «Методологии истории» (1910 и сл.). См. мою статью «Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Д[анилевского]» («Рус. ист. журн.», 1921). О той же книге М. Покровский («Под знаменем марксизма», 1923).

Пользуюсь этим листом, чтобы отметить, что работы по методологии и теории вообще не входят в наш обзор, поскольку социология есть наука абстрактная (по Конту) или номографическая, номотетическая, история же — наука конкретная (по Конту), феноматологическая, идиографическая.

возникла в недрах передовой журналистики и только в следующем десятилетии у социологии явились сторонники среди университетских ученых, тоже создавших свои органы для пропаганды новой общественной науки¹⁰.

Главными органами периодической печати позитивистского направления были сначала «Отечественные записки», «Дело» и «Знание», позднее к ним присоединились «Критическое обозрение» и «Юридический вестник». В первом из этих журналов, перешедшем в 1868 г. под редакцию Н.А. Некрасова, Г.З. Елисеева и М.Е. Салтыкова, старых деятелей «Современника», закрытого в 1866 году, помещались статьи Лаврова (большею частью анонимно) и Михайловского, скоро выдвинувшегося в этом журнале на одно из первых мест. Лавров участвовал также в «Деле», продолжавшем с 1866 года традиции «Русского слова», и в научном журнале «Знание», основанном в 1870 году Гольдсмитом и Коропчевским. «Критическое обозрение», недолго просуществовавшее, было предпринято в 1870 году молодым московским профессором М.М. Ковалевским и Вс.Ф. Миллером, из которых первый сам занимался социологией, а «Юридический вестник» примкнул к новому направлению с тех пор, как стал выходить в 1878 году, под редакцией тоже одного из представителей московской молодой профессуры, С.А. Муромцева, равным образом ставшего сторонником позитивистской социологии.

Хотя между прекращением «Современника» (1866) и переходом «Отечественных записок» в руки его прежних редакторов (1868) прошло каких-нибудь полтора года, но новый журнал не мог быть непосредственным продолжением старого, особенно если принять в расчет, что такая умственная сила, какою в последнем был Чернышевский, сошла со сцены еще за шесть лет до начала «Отечественных записок» под редакцией его прежних соратников. Не касаясь разных злоб дня, нужно иметь в виду, что в этот перерыв к нам стали приходить новые умственные влияния, еще не оказывавшие своего действия на Чернышевского. Прежде всего это было влияние идей Конта о социологии, легшей в основу совершенно нового течения у нас научно-общественной мысли. По отношению к Чернышевскому все это позитивистическое движение было новым, как и позднее русская марксистская социология, целиком возникшая на Западе, не была непосредственным продолжением учения Чернышевского, тем более что наш великий экономист и с Марксом не был знаком. Вообще Чернышевского еще не занимали мысли, которые уже сильно занимали наших социологов-позитивистов. К числу этих мыслей, кроме общего замысла Конта, относилось уже раньше «Социологии» Спенсера формулированное им учение об обществе как организме, требовавшее определенного к себе отношения по своей связи с серьезнейшими вопросами общественной жизни. Еще большее влияние на зародившуюся социологию оказал дарвинизм. Хотя «Происхождение видов» Дарвина вышло в свет еще в 1859, когда Чернышевский был еще на свободе, но, как известно, эта книга не произвела на него такого впечатления, как на других современников, и в конце жизни он даже высказался о дарвинизме, как о чисто буржуазной выдумке, в целях оправдания эксплуатации рабочих. Если вскоре, особенно после выхода в свет «Происхождения человека» (1871) Дарвина и стали применять его теорию к человеческому обществу в нежелательном смысле, то это было уже во время ссылки Чернышевского, и задачи критики социалистических выводов из биологической теории, какие стали делаться на Западе, стали одной из задач зародившейся у нас социологической литературы. Вот они три имени: Конт, Спенсер и Дарвин и указывают на те теоретические вопросы, которых не было при Чернышевском и которые (пропуск в машинописи) предъявили себя первым нашим социологам-позитивистам.

К вопросам о создании новой науки о человеческом обществе, о понимании природы этого общества, о зависимости общественных явлений от животной стороны

---

¹⁰ См. еще В.В. Лесевич. Позитивизм после Конта («Отч. зап.», 1869, IV) и Новая литература позитивизма (также 1870). В.К. Позитивизм в русской литературе («Рус. Бог.», 1889, III—IV).

человеческого бытия не медлил присоединиться вопрос об отношении естественного процесса общественного развития, — совершающегося по законам, которые должна была открыть новая наука, — к нашим человеческим идеалам. Этот вопрос в сколько-нибудь острой форме не представлялся Чернышевскому, философия которого, как известно, вызвала протест со стороны Лаврова, сделавшегося основоположником русской социологии.

Вот в чем здесь было дело. Кроме «Курса положительной философии» Конт основал еще более позднюю «Систему положительной политики» (1851—1854), создававшей целую новую религию. В то время, как одни из последователей Конта ее приняли, другие, остававшиеся верными научному духу «Курса», ее отвергли как aberrацию ума его творца. Как ни смотреть на взаимные отношения «Курса» и «Системы» (или «положительной философии» и «положительной политики»), сам Конт между ними полагал ту разницу, что первое его учение, которое он считал сначала «окончательным», было добыто приложением «объективного метода», который он сам потом признал недостаточным, и вот, издавая свою религиозно-политическую систему, он прибег к другому способу мышления, дав ему название «субъективного метода», что было не чем иным, как творчеством моральных и социальных идеалов. Льюис, Милль, Литтре и присоединившийся к последнему наш соотечественник Г. Вырубов, чтобы издавать упомянутый философский журнал, отвергли «систему положительной политики» и с нею «субъективный метод», которым Конт ее строил. Объявляю войну этому методу и Социологическое общество, основанное в Париже при деятельном участии Литтре и Вырубова. Наши первые сторонники социологической проблемы признали это односторонним, объявив, что социология не может быть исключительно объективной по образцу естественных наук. Отсюда, как увидим, первое социологическое направление в России получило название «субъективной социологии». Впрочем, это название было ей дано извне.

Первыми русскими писателями по социологии были П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и С.Н. Южаков. Первому из них было уже сорок пять лет, когда он впервые заговорил в печати о позитивизме и социологии, и он уже давно был известен как ученый и философ, двое других только что начинали свою литературную деятельность. Михайловский — двадцати четырех лет, когда напечатал первую свою статью, создавшую ему литературное имя. Южаков — двадцати трех лет, когда написал свою первую социологическую работу. У одного, значит, было уже некоторое прошлое, в котором сложились известные умственные интересы, известные убеждения, второй и третий являлись новичками. Начав действовать в одни и те же годы (1868—1872), они принялись за разрешение, в сущности, одной и той же проблемы, причем работа их получила критический характер по отношению и к Конту, и к Спенсеру, и к дарвинизму в социологии, и по отношению друг к другу, — между ними возникали и споры, — но это не помешало их выступлениям получить характер некоторой однородности, что дало одному из них, именно, Южакову, возражавшему против выражения «субъективный метод», обозначить все это направление как этико-социологическое. В дальнейшем и мы будем пользоваться этим термином. Деятельность их охватывает собою три последние десятилетия XIX века, в самом конце которого зародилось у нас и другое направление социологии, идущее от Карла Маркса, основные социологические идеи которого не оказали никакого влияния на Лаврова, Михайловского и Южакова, бывших, однако, все трое социалистами.

Наши первые социологи не пошли за Контом, отвергавшим психологию в своем ряде абстрактных наук, в котором социология обосновывалась непосредственно на биологии. В данном случае, впрочем, и на Западе уже раньше психология была реабилитирована и заняла свое естественное место между биологией и социологией, что и там содействовало развитию психологизма в общественной науке. Независимо от западных влияний и даже их предваряя, русские писатели ставили и вопросы социальной психологии, коллективной, иначе говоря, психологии, изучающей взаимо-

действие между людьми, соединенными в обществе. Мысли, настроения, стремления людей всегда играли большую роль в социологических соображениях пионеров нашей социологии, откуда и большое внимание, с каким они относились и к отдельной человеческой личности как носителнице всех психических переживаний, мыслей и чувств, желаний и стремлений. С этим психологизмом, как изучением мира субъективных переживаний, тесно была связана и этическая ориентация первого направления русской социологии, то, что ненаучно, было названо субъективным методом. В середине последнего десятилетия прошлого века этой психологической и этической ориентации была у нас противопоставлена другая, выдвинувшая на первый план не субъективные переживания людей, а объективные условия их существования, т.е. психологии была противопоставлена экономика, «идеализму» — материализм. Если бы, можно думать, Чернышевский не был насильственно изъят из жизни и продолжал работать в принятом им направлении, если бы у него были и продолжатели в том же направлении, исключительно экономическое обоснование социологии, уже начавшееся у Чернышевского, дожило бы до появления у нас марксизма, и последний явился бы только подмогой для направления, уже вполне сложившегося в самой России. Как бы то ни было, однако, в середине последнего десятилетия прошлого века, через два с половиною десятка лет после возникновения русской социологии, экономический материализм явился у нас как новое слово, хотя основная его идея была высказана чуть ли не за полвека перед тем. С этого момента, с середины девяностых годов XIX столетия, русская социология вступила **во** второй период своего существования, хотя в начале **этого** периода и очень притом долго продолжали параллельно существовать оба направления — и то, которое пошло от Конта, и то, родоначальником которого был Маркс.

Публикация и вступление В.В. САПОВА